

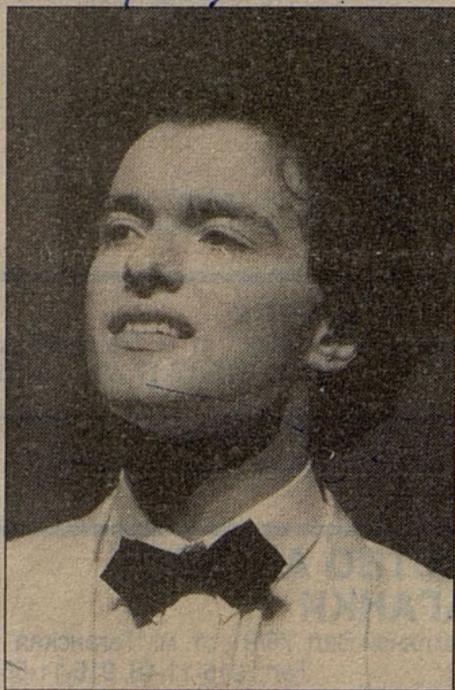
Зачарованный странник

Евгений Кисин

Культура. — 2002. — В БЗК — 14-20 февр. — с. 13

Несмотря на то что концерт пианиста был перенесен в связи с его болезнью и состоялся неделей позже означенного числа и в дневное время, Большой зал консерватории был полон сверх нормы. Организаторы — артистическое агентство “Краутерконцерт” — сделали все возможное, чтобы выступление Кисина состоялось именно сейчас, а не летом, и надо отдать должное маэстро, он многое преодолел, чтобы выйти на сцену. Труднейшая программа, включавшая в себя Токкату, Адажио и Фугу до мажор Баха в транскрипции Бузони, Первую сонату Шумана и “Картинки с выставки” Мусоргского, была дополнена пятью (!) бисами. Публика не отпустила своего кумира, а он сделал для нее то, чего почти никогда не делает, — фактически сыграл еще одно отделение, в котором прозвучали коронные номера представителей большой романтической пианистической традиции: “Жаворонок” Глинки в обработке Балакирева, “Полет шмеля” Римского-Корсакова в транскрипции Рахманинова, парафраз Листа на темы из оперы Верди “Риголетто”, “Танго” Альбениса в прочтении Годовского, а в финале — редизминорный этюд Скрябина.

Пианисты такого дарования рождаются далеко не каждое десятилетие. Лет двадцать уже в России знают Евгения Кисина, и у нас отношение к нему не меняется, несмотря на то что он давно уже не мальчик, не подросток, а взрослый тридцатилетний мужчина, сделавший мировую карьеру. Но сильно первое впечатление — оно и определило для Евгения статус вечно-го вундеркинда в наших краях. Но пианист и сам как-то уж очень мало изменился со времен своего детства — и внешне, и внутренне. Он — сосуд, хранящий в себе тайну старинной пианистической традиции. Сегодня этот изысканный сосуд воспринимается как уникальное антикварное изделие, по которому мы изучаем эпоху, которым

любимся и восхищаемся, но приращения которому в нашем веке не найдем, кроме единственного и главного — получать удовольствие от созерцания.

Каждый композитор для него — Бог, никогда не спускавшийся на землю, Бог, речь которого рождается под пальцами пианиста. И, как тому и следует быть, высказывания эти совершенны и абсолютно лишены земных эмоций. Евгений Кисин занимается чистым искусством, и неважно, что знает он о земных путях своих богов, — для него они не горшки обжигали. Но и он сам их властелин, повелитель рояля, во власти которого все, что они создали. Его магия — превращать знаки в звуки, не комментируя авторский текст и не заботясь о переводе семантических смыслов в общечеловеческие. Он виртуоз, не бравирующий безукоризненным полетом своих пальцев, зачарованный собственным альянсом с роялем и странствующий по миру не ради выступлений на сцене, но ради возможности заниматься главным делом своей жизни — воспроизводить речь музыкальных богов.

Анна ВЕТХОВА